

НИКО ПИРОСМАНИ

Нико Пиросманишвили напоминает своей жизнью старых мастеров — безымянных творцов величайших произведений искусства. Скромные надписи редко обозначают в Грузии имена мастеров, чей творческий подвиг большей частью оставался анонимным. А среди них бывали мастера, равные по упорству Бенвенуто Челлини. Даже такие уцелевшие имена, как имя великого Опизари, — неведомые иероглифы для историка грузинского искусства. Неудивительно, что нам неизвестны авторы древних грузинских фресок, барельефов и миниатюр, если на наших глазах Нико Пиросманишвили прошел незамеченным. Всего двенадцать лет, как он угас в ужасной нищете, в сыром подвале, а имя его уже перешло в легенду.

Настоящий народный художник, Нико Пиросманишвили до того, растворился в народе, что нашему поколению трудно уловить черты его индивидуальной жизни. Его будни так таинственны, что, пожалуй, ему придется остаться без обычной биографии.

Жизнь Нико Пиросмани — сплошной творческий вихрь. Даже опытному историку трудно разбить жизнь художника на периоды в смысле творческого развития.

Он встает, как проснувшийся гигант, со всей магической силой красок, идя оплодотворить оскудневшую тогда грузинскую живопись. Сведений для биографии Пиросмани так мало, что все материалы сводятся к рассказам его случайных знакомых. Несмотря на его нелюдимость и привычку к одиночеству, в памяти близких ему людей сохранились кое-какие черты, по которым можно хотя приблизительно выявить его человеческий облик. Обычно каждый мастер, создавший эпоху крутым переломом в искусстве, начальные годы работы проводит под чужим влиянием. В период ученичества будущий мастер овладевает творчеством своего учителя. Потом он по своему может использовать опыт учителя, меняя творческие формы, обновляя приемы и сам становясь во главе новой школы.

Нико Пиросмани не прошел такой школы, да и вообще не знал никакой школы. В этом отношении гораздо счастливее его были старые грузинские мастера, учившиеся живописному ремеслу у великих византийцев.

Во время Нико Пиросмани в Грузии не было и малярных цехов, где он мог бы усвоить самое элементарное знание красок, а школ живописи и подавно не было. На севере ему побывать не удалось.

Остается допустить, что Нико Пиросмани начал рисовать самоучкою. Удивительное для нас богатство его красок и изобретательность сочетаний достались ему самостоятельной выучкой, на одном лишь собственном опыте. «Алхимия» красок, в которую мастер посвятил впоследствии Ладо Гудиашвили, открыта им самим. Интерес к Пиросмани, как к крупному примитивисту, зародился еще при его жизни. Первым «открыл»

Пиросмани француз художник М. Ле-Дантю, посетивший Тифлис весной 1912 года. Большой труд в деле раскрытия вещей Пиросмани положили братья Зданевичи, Илья и Кирилл. К этому времени появилась в печати статья Гр. Робакидзе о своеобразии Нико Пиросмани.

Немного спустя из Берлина возвращается художник Д. Шеварднадзе, задумавший объединить грузинских художников. В список членов нового общества был внесен и Нико Пиросмани, как народный художник.

Шеварднадзе рассказывает: «Мы решили пригласить на организационное собрание этого легендарного художника. Однако, разыскать его оказалось не так просто. Пригласить его на собрание взялся Ладо Гудиашвили и еще кое-кто. Путем расспросов по подвалам и пивным его нашли и доставили на собрание. На Пиросмани большое впечатление произвело все окружающее и внимание художников к нему. При этом он гордо заявил, что теперь он известен и во Франции. Вероятно, он имел в виду статьи Ле-Дантю во французской печати. После собрания мы стали выпрашивать Нико о его жизни. Он сказал, что он кахетинец, осиротел с 8 лет и с тех пор живет в Тифлисе. Теперь, ему 60 лет. Видно, он преувеличивал, так как по внешности никто не дал бы ему этих лет. На прощанье дали ему десять рублей пособия. Он явно бедствовал. Взяв деньги, он сказал: «Вот куплю красок, напишу картину и принесу вам». Правда, через день он явился с картиной «Свадьба в Кахетии». Картина на обычной для него клеенке. Хранится в Национальной галлерее Грузии. Тогда же удалось свести его к фотографу Э. Клару. Это — единственный его снимок последних лет».

Вскоре началось планомерное собирание картин Пиросмани. Однако, владельцы подвалов и лавок неохотно расставались со своими сокровищами. Академическое художество встретило Пиросмани неприязнью. Технику его браковали, приемы его считали чудачеством, слишком полярным для их засиженных канонов и правил.

★ ★ ★

Достоверно, что Пиросмани уроженец Кизикии. Эта часть Кахетии замечательна многим. Здесь не было крепостного права. Кахетинцы вообще твердого характера, кизикиец завершает этот тип. Издревле зовется «буйволиной» эта страна. Природа не жалеет ни простора, ни приволья для своих дюжих сынов. Страна виноградная, обильная хлебом. Даже горы как бы смазаны маслом. Земля щедрая, урожайная. В картинах Нико Пиросмани, истого кизикийца, явственно видны его кахетинская кровь и порода. Огромные его кувшины, полные марани, бесконечные свадьбы и храмовые праздники, хлеб и вино ослепительных натюр-мортов проходят в картинах, как плоды его детской памяти.

В Грузии нет художника, так правдиво и просто описавшего свои родные места. Это хорошо подметил покойный Г. Якулов: «Пиросмани свойственно чувство широкого размаха пейзажей Грузии и в его картинах выявлены нега и лиризм Кахетии, что роднит его искусство с искусством итальянских мастеров начала XV века. Здесь чувство эпоса, разворачивание целой фильмы быта на одном холсте. Пиросмани — эпически монументальный живописец. Его инстинкт разгадал ту монументальную живопись, к которой мучительно движется европейское искусство нескольких десятилетий».

Работоспособность Пиросмани была очень велика. Каталог при монографии Госиздата, охватывающий около 300 картин и фресок, лишь

незначительная часть всего его наследия, показывает сказочную плодотворность его работы.

В привокзальном районе Тифлиса буквально всякая лавка и подвал были завалены его картинами. Главная улица района — Молоканская Тифисполкомом уже названа улицей Пиросмачи. Много картин было разбросано по загородным садам и пригородам Тифлиса (особенно Грма-Геле). Впоследствии духаны позакрылись, а по запрещении продажи спиртных напитков в рабочих районах и вовсе исчезли. Лишь незначительная часть картин Пиросмани уцелела. Остатки хранятся в Национальной галлерее и в частных собраниях, а все остальное погибло или вывезено из Тифлиса в провинцию.

Поразительна плодотворность художника, если учесть ужасный недуг его — пьянство, плод нищеты и бродяжничества. По рассказам знавших Пиросмани, в разгар творческой работы последних лет его жизни художник был без крова, ютясь то тут, то там, в сырых подвалах и трущобах.

Ладо Гудиашвили удалось дать замечательный образ художника. По его словам, Пиросмани был большого роста, с проседью в зачесанных назад волосах. Его бледное, изможденное лицо хранило отпечаток культурной мягкости и покоя. Бритая борода, нависшие усы делали внушительной его фигуру. Поношенный серый пиджак и жесткие грязные брюки, замазанные красками. Точно какой-то нищий предместья, разбитый и несчастный от босаяцкой жизни. Каморка его была под лестницей, в несколько шагов в длину и в ширину, настолько низкая, что там нельзя было выпрямиться. Грязная постель в углу. Рядом на стене маленький ящик — его «шкаф». В другом углу разбросаны живописные и малярные принадлежности — ведро, клеенка, краски и кисти.

— Вот так нужно работать, а не в костюмах и галстуках, да еще по проспекту гулять. Надеть фартук, зажечь лампу, наскрести сажи, растоптать известки, развести белила, потом за кисть и за работу, пиши с пола до потолка.

Пиросмани встретил гостя неприязненно. Как враг вы пришли или как друг? Разговорившись, он путает его имя, как истый пьяница. Больше всего его огорчает невозможность широко встретить гостя. Предложив ему хлеба, хозяин склоняет нового друга если не на вино, то хоть на лимонад. Гудиашвили предлагал ему 200 рублей от общества грузинских художников.

В конце беседы Пиросмани загорелся от давно лелеяной мысли: «Вот что нам надо, друзья. Построим большой деревянный дом в самом центре города, чтобы для всех было близко. Там собирались бы за длинным чайным столом, пили бы чай и говорили бы об искусстве».

Не предвосхитил ли Пиросмани идею советских чайных, сеть которых покрывает сейчас юга Украины городов.

Илья Зданевич записал один день работы Пиросмани: «Январь 1913 г. 27. Воскресение. Сегодня утром поехал сначала к Месхиеву (Черкезовская, 70), у которого купил портрет мальчика. Оттуда пошел к Николаю. Николай сидел и писал мой портрет. Стал спрашивать о купленной картине. Портрет еще только набросан. Олень уже написан (другая картина для меня). Кроме фона, еще неоконченного, исполнено великолепно. Сначала Николай отвел меня в сторону и сказал: «Когда выставка? Если бы вы дали комнату; где можно было бы работать, и

полотно, — я бы вам за месяц написал бы десять, пятнадцать картин, лучших, чем те, которые у меня есть, и лучше «Шереметьевского гада». Далее он добавил: «Вот все мои виды портят. Вот, например, эта картина — нарисован заяц; кому нужно, просили: нарисуй для моего уважения... Рисую, чтобы не ссориться. Так все картины портят»...

Потом жаловался на страшную бедность, на свою скверную одежду, на невежество заказчиков и просил помочь ему. О том, что ему нужна комната, никому из духанщиков просил не говорить. «Комната должна быть светлая, а тут темно». Когда пишет, левую руку подкладывает под правую, чтобы не дрожала сильно. Русский язык учил сам: «Купил грузинскую книжку, переведенную на русский». «Здесь нельзя хорошо работать, — пить заставляют».

Был у него один автопортрет в «хорошем платье, не в таком плохом», но кому-то продал.

Вчера он сказал: «Картины бывают разные: можно писать целый месяц или даже целый год, и все будет, что писать»

Из этого отрывка делается ясна вся унижительная обстановка и среда, нищета и невежество, душившие работу художника. Показаны здесь и крупные запросы большого народного мастера. А само творчество Пиросмани говорит об огромной его любознательности, любви к прошлому и чутье современности. Его часто занимают исторические сюжеты — Георгий Саакадзе, Шота Руставели, Шамиль, русско-японская война. Он иллюстрирует в картинах пьесы «Родина» Эристова, «Брат и сестра» В. Гуниа и поэму «Барсова шкура». У него большое пристрастие к животным и птицам.

Пленительны его львы, жираффы, газели и олени. О его наблюдательности, связанной с поразительной силой выражения, свидетельствует эпический цикл, где Тифлис и Кахетия исчерпаны до конца: «Сбор винограда», «Гумно», «Великий пост», «Пастухи», «Храмовый праздник», «Девочка с гусями», «Петух и наседка» — невиданные в Грузии картины деревенской природы.

Еще разнообразнее представлен Тифлис. «Фуникулер», «Красавицы Ортачал», «Шарманщик», «Дворник», «Мальчик кинто», «Молокане на пароме», «Зурна», «Осел с дровами и мальчик», «Коджорское шоссе» и так без конца.

Живописец-историк нравов оставил нам в наследство целый ряд семейных портретов из тифлисской среды. Он закрепил на своих картинах обывательский мир неповторимого старого Тифлиса. Таковы «Пасхальный стол», «Купеческий обед с граммофоном», «Обед железнодорожников», «Актриса Маргарита», «Пирушка Хапо и Амбо».

На его социальное чутье указывает картина «Миллионер бездетный и бедная с детьми».

Знавшие Пиросмани говорят о его любви к родной литературе. Он знал наизусть целые поэмы и отрывки из Ильи Чавчавадзе и Важа Пшавела, его земляков. Да и сам он изредка импровизировал. В его работе много родственного творчеству и судьбе Важа Пшавела. Оба художника до сих пор являются загадкой. Для этих великих примитивистов характерны нечеловеческая фантазия, культ героизма, крепость земли и близость к народным корням.

Попытка общества грузинских художников устроить выставку Пиросмани еще при его жизни не удалась. А интерес к нему растет.

Поворотным моментом в оценке Пиросмани является коллективное письмо в редакцию летом 1918 года за подписью скульптора Николадзе, Сергея Судейкина, Гр. Робакидзе, братьев Зданевичей, Паоло Яшвили, А. Цуцунава и других. «Внимание к Нико Пиросмани вовсе не преувеличение, а скромная дань большому художнику, чья жизнь, к позору современников, прошла в кабаках и подвалах. Приобретение его картин правительством и частными лицами — не спекуляция, а поздняя попытка спасти и сохранить его вещи — народную гордость. Его клеенкам место в лучшем зале Национальной галереи, а жизнь его следует внимательно изучить».

К тому времени художник угас. Очевидец так описывает его последние дни: «Весной 1918 года Пиросмани вошел в подвал на Молоканской улице № 29. Лег спать на пол. Он был уже болен. Через три дня случайно я сошел вниз и в темноте увидел лежащего человека. Кле-тушка была завалена битым кирпичем и опилками. Не узнав его, крикнул: «Кто здесь?» «Я», — ответил Николай. Его узнали по голосу, а сам он уже никого не узнавал. Отвезли его на фаэтоне в больницу, кажется, Арамянца, где художник через полтора дня умер в ужасных мучениях. Никакого имущества он не оставил. Могила его неизвестна».

После смерти ему посчастливилось. Часть его картин спасена. Его картины попали на первую выставку грузинских художников в 1919 г. и вызвали всеобщий восторг. Все рецензии говорили только о нем. Особенно впечатление произвела статья Сергея Судейкина, который сравнивал Пиросмани с Джотто и ставил выше Руссо. В 1922 году орган союза новых писателей «Бахтриони» посвятил ему целый номер. «Мнатоби», «Пламя» и московская «Красная Нива» говорили о нем. Советское правительство увенчало народного художника роскошной монографией Госиздата Грузии, вышедшей в 1926 г. с текстом на трех языках—грузинском, русском и французском, со статьями Тициана Табидзе, Григория Робакидзе, Геронтия Кикодзе, Кирилла Зданевича и Колау Чернявского. Монография снабжена тщательно составленным каталогом, репродукциями в красках и однотонными, выполненными в Ленинграде и Москве. Монография познакомила с Пиросмани СССР и Европу. Ряд отзывов таких художников, как Пикассо и др., свидетельствует о признании Пиросмани культурным миром Запада.

В десятую годовщину Октября на выставке искусства народностей Советского Союза картины Пиросмани имели огромный успех. Об этом говорят статьи академика М. Фриче, президента Гахна П. С. Когана, Я. Тугендхольда и др. Картины Пиросмани приобретены Главнаукой и Третьяковской галлереей.

Влияние Пиросмани на грузинское искусство огромно. Живопись в Грузии идет под его знаком. Д. Какабадзе в книге, изданной в Париже, называет Пиросмани родоначальником грузинской живописи. Многим ему обязан наш выдающийся современник Ладо Гудиашвили.

Прав был один из энтузиастов Пиросмани — Г. Якулов, так заканчивающий свою статью о нем:

«Пикассо определяет формулу художника блестящим афоризмом: я не ищу, а нахожу. Это полностью применимо к Пиросмани, не искавшему, но нашедшему. Своей находкой он обязан близостью в народным

корням. Его невозможно выкорчевать из грузинской земли. В сумерках буржуазной культуры он выстрадал народный идеал. Недаром его слава расцветает при власти родных ему трудящихся масс».

Пролетарская культура углубит понимание Пиросмани и оценит его творческий подвиг первого народного художника.

Н. Пиросмани. „Миллионер бездетный, бедная с детьми“.